

В. Федоров

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАКИ В ОХОТЕ С ЛОВЧЕЙ ПТИЦЕЙ В ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Охота с ловчими птицами в Азии имеет глубокие исторические корни. Ландшафт азиатских территорий – степи и пустыни, горные районы, лесной древостой, густые кустарниковые заросли и плотные камышовые партии в припойменных участках рек и озёр – являл невероятное видовое разнообразие и обилие всевозможной дичи, что наложило свой отпечаток на способы охоты. В таких охотах под ловчими птицами использовались разные как по внешнему виду, так и по назначению собаки.

Следует заметить, что отношение к собаке в культурах Передней и Средней Азии было неоднозначным. У народов, исповедующих ислам, собака пользовалась репутацией нечистого животного. Старая афганская поговорка гласит: «Лай собаки отпугивает ангела над домом хозяина». У жителей долин Хуф и Баджу существовало представление, «что если завести собак, то тогда от их присутствия отлетает благодать (*баракат*), преуспевание, которое имелось до того. Здесь собака считалась вредным животным, действующим неблагоприятно на счастье дома» (Андреев 1953). Как следствие, по сообщению В. Наливкина: «туземец собаку свою не воспитывает, решительно ничему не учит и никогда почти не кормит. Собаки в большинстве случаев плохо развиты, тощи и зачастую страдают кожными болезнями, что зависит прямо-таки от крайне неудовлетворительного питания. В аулах почти исключительной их пищей бывает падаль и человеческие экскременты. Мудрёно ли после этого, что громадное большинство ищеек, находящихся в руках туземцев, с изумительной быстротой пожирает убитую птицу, если охотник не успеваешь овладеть ею прежде своей собаки» (Наливкин 1891: 75).

В соответствии с Кораном использование на охоте дрессированных собак допускалось. При этом дрессированной считалась такая собака, которая трижды брала добычу и не съедала её. В противном случае она приравнивалась к хищному зверю, добыча которого в соответствии с представлениями о чистой (*халаль*) и нечистой (*харам*) пище, была непригодна для еды.

В XIX веке в Средней Азии уже трудно было встретить породистых собак. Исключение составляли области Каратегина и Дарваза, где сохранялась развитая соколиная охота с широким использованием как птичьих собак, так и борзых *тазы* в качестве подсокольных. По мне-

нию Е.Т. Смирнова, здешняя птичья собака *джавзы* похожа на мелко-го сеттера и представляет собой довольно чистый тип, выработавшийся в течение длительного периода в обособленных горных условиях. В Каратегине беки имели целые пары таких собак (Смирнов 1885: 25).

В других районах Туркестана роль птичьих собак-ищеек выполняли аульные дворняжки – вымески сеттеров и пойнтеров, произошедшие от самых разнообразных и случайных скрещиваний, а в качестве гончих выступали грубые помеси гончих с теми же дворовыми псами или просто лайки. Европейские легавые проникали в Среднюю Азию в незначительном количестве и не всегда лучшего вида. В результате местной дрессировки бойкий, размашистый поиск сеттера или пойнтера превращался в медленную, мелкую рысцу с поминутным обнюхиванием травы и кустиков (Смирнов 1885: 21). Такая ситуация сохранялась в Передней и Средней Азии и в позднейший период, вплоть до наших дней. Например, Герд Кюнерт указывает, что ввозимые в Афганистан из-за границы породы охотничьих собак практически не находят применения и спросом не пользуются. Местные птичьи собаки *пати* или *гурши*, используемые при охоте с ястребом, напоминают вздёрнутого на ногах спрингер-спаниеля, вероятно, завезённого англичанами. Собаки с длинной псовиной предпочитают здесь всем остальным. Однако купированные уши и хвост, а также выцветшие до белого цвета глаза на общем фоне псовины от бурого до черного придают собаке несколько уродливый вид. Этих собак называют *лутша* или *луча*. Чтобы приобрести щенка даже такой собаки, охотнику подчас приходится идти на столь крайнюю меру как воровство, поскольку, с одной стороны, продажа собаки здесь рассматривается как позор, бесчестие, а с другой – хозяин суки не всегда идёт на то, чтобы дарить щенков (Kühnert Gerd 1980: 62).

Касаясь дрессировки, В. Наливкин пишет, что от собаки для соколиной охоты требуется лишь, «чтобы она хоть немножко, хоть как-нибудь искала бы, и чтобы её можно было не кормить, чтобы она сама добывала себе пищу. Этим обуславливаются особенности дрессировки и содержания собаки, а равно и её полевые качества. Собаки ищут хотя и довольно настойчиво, но почти всегда вяло. Чутьё имеют слабое; очень часто не делают стойки, не апортируют» (Наливкин 1891: 75). Справедливости ради следует заметить, что в некоторых областях Средней Азии определённую выучку своим собакам всё же задают. Ее качество зависит от мотивации охоты. Одни охотятся по страсти, и добыча для этих охотников не имеет значения, другие же жаждут дохода. Этим определяется подход к обучению собак, хотя в любом случае оно примитивно.

В начале XX века в Афганистане обучение щенка начиналось по достижении месячного возраста. Сначала с помощью воробья с опалёнными на огне перьями щенку прививалось стремление к поиску в доме или во дворе. Затем посредством того же воробья делали волок, по сле-

ду которого собака должна пройти. Постепенно трассу волока удлиняли и, в конце концов, упражнения переводили в поле. Для обучения апортировке местные охотники применяли «мячик» из шерсти, напшигованный перьями. Брошенный клубок молодая собака по команде «биги» должна была схватить пастью и принести хозяину. Если пёс выполнял команду хорошо, то подобные упражнения начинали проводить с дичью. По истечении шести месяцев считалось, что ученик освоил свою программу. Затем ещё некоторое время молодой пёс работал в паре со старой, более опытной собакой. В первый год с молодой собакой охотились лишь на равнине. Считалось, что только после того, как она «набьёт» свои лапы, и они достаточно окрепнут, с ней можно начинать охоту в горной местности.

На соколиной охоте собака должна найти и выгнать птицу, после чего уже пускали сокола или ястреба. Так охотились на фазанов и перепелов. В Туркестане, например, при охоте на уток собак обычно не брали, выгоняя птицу из камышей криками, стуком, хлопаньем арапника или ударами в маленький барабан.

Вот как описывает очевидец охоту с ястребом, проходившую в Елизаветпольской губернии (Азербайджан): «Местный бек (дворянин) садится на коня с ястребом в руках, берёт с собой от двух и более верховых же нукеров (прислуги) и от двух или же более собак, представляющих собой пародию на легавую. Тут есть и сеттер белый в жёлтых пятнах с отрубленным хвостом; есть и гладкошёрстный легаш с примесью крови борзой; и чего-чего только вы не найдёте в этой стае, состоящей подчас из десятка других голодных, визжащих и забитых собак. Вся эта фаланга берёт направление в степь.

В кустах, одна из собачонок затыкала носом. Ястребятник следит за ней и поощряет звуком «бас». К собаке присоединяются другие и начинается скачка собак в разных направлениях, с характерным повиливанием хвоста и повизгиванием. Наконец, около одной заросли столпилась вся стая; некоторые из собак начинают буквально ввинчиваться в неё с разных сторон. Остальные с визгом и характерно приподнятыми ушами следят за ходом дела в заросли.

Вдруг раздаётся неистовый крик на собак подъехавшего охотника, и подскакавшие нукера в миг буквально скатываются с лошадей, кидаются в заросли и извлекают бранные останки турача, растерзанного собаками. Турача заключают в имеющуюся на луке седла нукеров перемётную сумку; собаки с высунутыми языками, от избытка чувств, повиливают самодовольно хвостами; охота двигается дальше. Это — случай лучший. Бывает часто, что турач исчезает безвозвратно в утробе голодных охотничьих псов» (Лесничий Старосивильский... 1897: 129).

Отношение к борзой собаке в мусульманских культурах определялось заветом, будто бы изречённым царём Соломоном и обращённым к лошади и борзой собаке: «Вы будете спутниками человека и первыми после него, перед лицом Бога». В этом следует искать причины особой

любви мусульман к лошади и борзой собаке. Отсюда и та терпимость, с которой они относятся к присутствию борзых в своих комнатах. Как пишет Адам Чайковский, лаская и глядя собаку, правоверный не теряет своей чистоты и может сесть на молитвенный коврик (*седжиде*). Остальные животные не имеют таких привилегий. Так, если кошка потрётся о платье мусульманина, он должен непременно сменить его или вычистить, прежде чем идти в мечеть, причём уже необходимы полные омовения Чайковский 1879: 2).

Борзые были у самого пророка Магомета, являвшиеся, как полагают, родоначальниками так называемой алеппской породы борзых, вследствие чего эти собаки считались избранными.

Особое отношение к борзой собаке проявлялось и в её воспитании, и в дрессировке. Например, у крымских татар и турок при выработке выдержки и послушания гончих практиковался жёсткий метод дрессировки, основанный подчас на битье собак. Однако к борзым его не применяли, поскольку борзая — это дворянин, *бей-заде*, которого не должна касаться нагайка.

В Азии в качестве подсокольных использовались разные породы борзых собак. Так, в Средней Азии — это *тазы*, в Иране — персидская борзая, в Афганистане — два вида борзых под общим названием *тази*, одна из которых известна как афганская борзая — *бакхмуль*, другая — *салюки*. В странах Арабского Востока — это собака *слюги*, причём в зоне Сахеля преобладала порода *азавак*, а в зоне Сахары борзые включали в себя, судя по изображениям XIX века, даже брудастых борзых наподобие ирландских волкодавов.

В разведении борзых на мусульманском Востоке имелись различные практики. Например, в Афганистане не придерживались строго направленного разведения, а потому и потомство зачастую обнаруживало все промежуточные типы обеих разновидностей борзых. То же самое писал М. Богданов, сравнивая среднеазиатских борзых, виденных у казахов и у туркмен в Закаспийской области: «Киргиз (казах — В.Ф.) как животновод очень плох. Он определяет своё богатство количеством домашних животных, а это роковым образом отражается на их качестве. Между борзыми подбор естественный, и киргиз ценит и бережёт собак более резвых, поимистых, сильных, но подбором производителей и строгим скрещиванием лучших экземпляров киргизские спортсмены не грешат. Потому между киргизскими борзыми встречается немало выборзков с явными следами примеси дворовых собак, и очень редко собаки более или менее чистой крови.

Туркменская борзая тазы представляет совершенный контраст с киргизской. В противоположность киргизу туркмен превосходный зоотехник. Их лошади — аргамаки — давно пользуются заслуженной известностью; их тазы есть чистокровное животное. Туркмен во многом напоминает араба и так же, как последний, высоко ценит и бережёт чистую кровь в своих животных» (Богданов 1878: 47).

Об отношении к борзым собакам у арабов интересные сведения приводит эмир Абд-эль-Кадер (1807-1883): «Борзые, порода которых называется у арабов *слюги*, окружены самыми внимательными попечениями; случка их производится с такими же предосторожностями, как и кровных лошадей. Араб Сахары делает иногда сто с лишним километров, чтобы случить хорошую суку с известным кобелём.

Если случайно борзая сука (*слюги*) будет случена с простым кобелём, её заставляют скинуть щенят, стесняя их в её утробе, или же закидывают тотчас, как она ощенится. Но подобный случай ставит иногда в опасность не одну её материнскую привязанность, но и саму жизнь. Нередко взбешённый араб, узнав, что борзая сука его унизилась такой связью, безжалостно убивает её, считая, что её преступление должно умереть вместе с ней.

Однако если рождаются щенки от желательной вязки, они ни на минуту не остаются без внимания. Женщины кормят их иногда своим грудным молоком. У арабов существует несколько поверий в выборе щенков. Если один из них забирается на спину своих собратьев, находящихся в кучке, то хозяин проверяет, не является ли это случайным. Щенка снимают, и если он упорно лезет по спинам своих братьев и сестёр и такое происходит в течение семи дней, то хозяин может возлагать на него большие надежды и не променяет его даже на негра. Кроме того, арабы предпочитают щенков, родившихся под нечетным числом, то есть первого, третьего, пятого и т.д. К этому следует добавить, что арабы не любят борзых с тёмным щипцом (мордой) и пазанками, говоря, что как бы резва ни была борзая подобного окраса, она всё-таки стоит меньше других, ибо не приятна глазу — «точно собака ходила по грязи и копалась в падали».

В то время как собаке простой, хотя и полезной и неусыпному стражу, предоставляют отыскивать пищу среди падали, прогоняя её от стола и от палатки, борзая спит в отделении, предназначенном для мужчин, на коврах, возле своего господина и даже на его постели. Её одевают, защищают от холода попонами, как лошадь; эта зябкость даже ценится как доказательство породности собаки.

Смерть борзой — печальное событие для всей палатки: женщины и дети оплакивают её как члена семейства» (Абд-эль Кадер 1852: 256–257).

Следует добавить, что для соколиной охоты выбираются *слюги* некрупные, в отличие от зверовых собак, которые более рослые и мощные, а также превосходящие первых по злобе к зверю. Многие породы азиатских и восточных борзых не обладают достаточной резвостью, чтобы ловить накоротке, а являют собой как бы тянущий тип собак, способных к длительной скачке, то есть преследованию зверя на протяжении даже нескольких километров.

Таким образом, в Азии и на Востоке получили распространение разные породы собак, которые в зависимости от вида охоты выполняли

и различные функции. Так, при охоте по перу на полях, в кустарниковых зарослях, в горных областях использовались собаки с функцией птичьих гончих, иногда легавых, то есть работающих со стойкой. В тугайных лесах и тростниковых зарослях собаки служили в качестве гончих, выставляя зверей под ловчих птиц. В открытых же местностях пустынь и степей под ловчими птицами использовалась исключительно борзая.

Библиография

- Абд-эль-Кадер Охота у арабов // Журнал коннозаводства и охоты, №8 1852.
Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 1953.
Богданов М. Тазый и киргизские борзые // Природа и Охота, №4 1878.
Лесничий Старосивильский «Турач» // Природа и охота, №3 1897
Наливкин В. Особенности охоты у туземцев Туркестанского края // Природа и Охота, №6 1891.
Смирнов Е.Т. Охотничьи собаки Памира // Природа и охота, №7 1885.
Чайковский А. Породы борзых и псовая охота на Востоке // Природа и Охота, №10 1879.
Kühnert Gerd «Der Hund» // Falknerei in Afghanistan», Bonn 1980.

Л.М.Коркмазова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Пословицы и поговорки — это тот жанр фольклора, которым каждый из нас пользуется ежедневно, часто даже того не замечая. В пословицах и поговорках карачаево-балкарского фольклора древнейшая мудрость народа прекрасно вписывается в современность, она отражает отстоявшуюся в веках народную философию, национальный и общечеловеческий исторический опыт. В кратких изречениях отражены бытовые реалии народа, животный мир, природа родной страны, социальные условия, в которых он живёт, а также историческое прошлое, отношения народа с соседями, друзьями, врагами. Карачаево-балкарский народ, как и другие народы, обладает огромной сокровищницей